

КЕНТАВРЫ

ИЗ

ФРАНЦИИ

Фото: Antoine Poupeil

Про руководителя французского конного театра «Зингаро» много чего говорят. Что его зовут Карабас. Что он кентавр. Что родился в России в цыганском таборе, а потом по воздуху перелетел во Францию. Что в начале 80-х годов он появился на Авиньонском фестивале с одной лошадей и крысой и снискал бешеный успех.

Его «Конное кабаре» возвратило театру благородство нищеты, «Затмение» — строгость ритуальных танцев и черно-белую чистоту. За семнадцать лет было сделано семь спектаклей — в среднем один спектакль в три года. О «Триптихе», который к нам везут, говорят как о прекрасном вихре дикости и нежности.

Имена актеров конного театра не разглашаются. Имена лошадей всячески афишируются. Литературные и драматические произведения никогда не ставятся — на площадке царит тишина.

«Зингаро» страшно знаменит во всем мире, а в июне в рамках Всемирной театральной олимпиады приедет на неделю в Москву — давать представления в парке «Коломенское».

«Триптих» — представление из трех частей на музыку Игоря Стравинского «Весна священная» и «Симфония псалмов» и Пьера Булеза «Диалог двойной тени». Концепция, постановка, сценография — руководитель «Зингаро» Бартабас. Недавно он посетил Москву...

— Мы создали никогда раньше не существовавшую форму театра и назвали ее конным театром. «Зингаро» начинался как уличный театр, с совсем простых вещей. Вначале структура была очень четкой — цыганское кабаре на контрастах: например между крупными и мелкими лошадьми. Сегодня в нашей работе много нюансов — нас можно сравнить с хореографической, балетной труппой. За время представления мы каждый раз проживаем новую авантюрную историю — никаких слов, только музыка и движения лошадей и всадников, которые вместе составляют единое целое.

Лошади помогают нам работать неспешно. Благодаря им мы избавлены от клиповой манеры. Через животных я иду к пониманию человеческих отношений.

Мы часто ездим на гастроли и подпитываемся другими культурами. Наш театр находится в Обервилье, в пригороде Парижа. Но там мы проводим всего четыре-пять месяцев в году.

Мы не можем быть репертуарным театром, потому что у нас работают совершенно

особенные люди, для них важна свобода, к тому же лошади не живут долго, а один и тот же спектакль, сделанный для определенных лошадей, нельзя играть с другими.

Все свое оборудование мы возим с собой. Наши актеры живут в фургончиках и путешествуют в них. Такой образ жизни больше, чем искусство, и для меня важна преданность ему. Во Франции артистов еще 100 лет назад не хоронили на кладбищах — не за творчество, а за образ жизни (смеется). Мне интересно предложить жить по-другому, в другой атмосфере, с другими ценностями. Речь идет об образе жизни, предполагающем полную самоотдачу.

— Бывали ли вы в России раньше?

— За последние 15 лет я много раз бывал в России, даже снял в Сибири полнометражный фильм — только с русскими актерами. Руководствуясь своим опытом, могу сказать, что европейские актеры могут радоваться — их жизнь гораздо легче, чем у российских коллег.

В России меня всегда восхищало умение сделать что-то

Руководитель конного театра из Обервиля о лошадях, Стравинском и загадочной русской душе

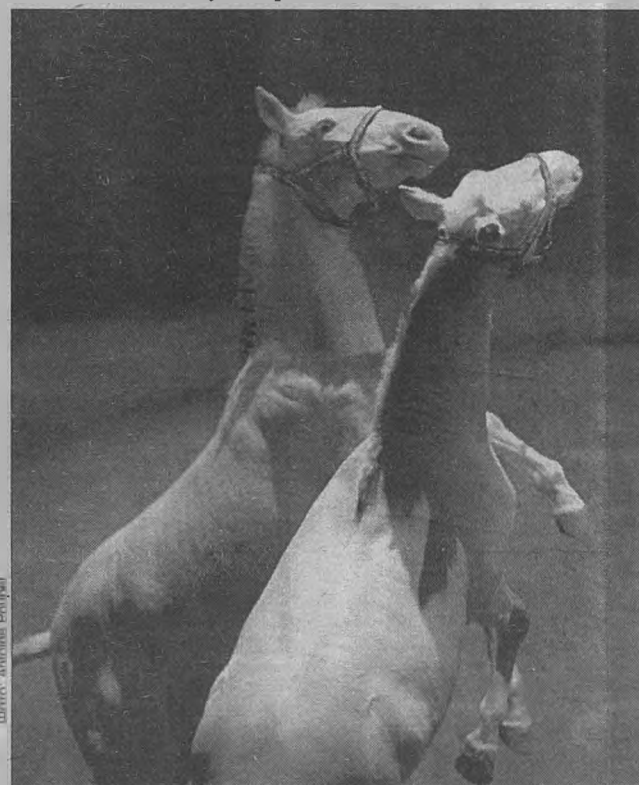

Фото: Antoine Poupeil

из ничего, сделать, невзирая на любые сложности, технические или политические.

— Кто ваш зритель?

— Нам удалось создать свою публику — люди возвращаются к нам на новые спектакли через два-три года, и мы взаимно влияем друг на друга.

Благодаря лошадям мы общаемся с коллективным подсознательным зрителем.

— Почему вы никогда не используете в представлениях литературные произведения — хотя бы в качестве основы, темы?

— Много лет назад мы придумали специальный язык, на котором разговаривали на спектаклях, но и это оказалось ненужным. Наши образы, музыка, язык движений самодостаточны. Нет даже никакого сюжета. Согласно своей памяти, чувствительности, темпераменту каждый домисливает свое.

Произведения Стравинского представляют для меня что-

то действительно русское. Мне говорили, что он вдохновлялся старинной русской музыкой, но я думаю, что он пошел дальше и исследовал шаманизм.

— Как вы полагаете, в чем секрет вашего успеха?

— Для меня творчество основано на поте. Мне кажется, в современном театре это утеряно, современные актеры недостаточно проливают пота.

Театр, который первым пригласил нас на гастроли, — театр Гротовского: они сразу поняли, что наша работа основана именно на ежедневном труде, а не как в кино — на шарме. Хотя поэзия и зрелищность, конечно, «очень важны», и все утверждают, что у нас это есть. Мне кажется, аспект труда будет очень оценен в России.

— Ваша работа с лошадьми построена по принципу дрессуры, или она абсолютно очеловечена?

— Танцовщики, музыканты согласны страдать, разбавлять па, фузте — они видят цель, результат. А лошадь не готова к страданию. Лошадь должна думать, что она сама к этому пришла.

Лошадь представляет собой тот инстинкт, который мы утратили, она ближе к истокам и существовала еще до появления человека. Лошади научили меня руководствоваться инстинктом и идти за ним.

Наше отношение к ним подобно отношению музыкантов к своим инструментам — в самом возвышенном смысле этого слова.

Лошадь чувствует вас изнутри. Она узнает вас по вашему движению, по тому, что вы сегодня излучаете. Поэтому актеры у меня несут сами себя и совсем не играют. В моей труппе работают только люди с огромной жаждой познания и труда.

Новая га 3 —

● Екатерина ВАСЕНИНА

2001-18 апр-с. 20.

О.П.С. Зингаро — первый конь Бартабаса, чье имя в переводе с испанского означает «цыган». Имя Бартабас происходит от слияния слов «бар» и «табак» во французской транскрипции. Настоящее имя Бартабаса — Клеман Марти. Он родился в 1957 году в благополучной семье и собирался стать архитектором.